

«Призрак легкой, прелестной, потерянной жизни»

Когда я еще училась в Академии художеств, студенты обменивались машинописью. Стихи поэтов Серебряного века. Мне достался почти слепой экземпляр. Прочитала за ночь.
*Эмалевый крестик в петлице
И серой тужурки сукно...
Какие печальные лица
И как это было давно.
Какие прекрасные лица
И как безнадежно бледны —
Наследник, Императрица,
Четыре Великих Княжны...*

Родился Георгий Иванов 10 ноября 1894 года в селе Студенки в семье потомственного военного. Семья была дворянская, родовитая, но обнищала. Пришлось переехать в Петербург, где по просьбе отца Георгий Иванов был зачислен в Ярославский кадетский корпус. Длинное старинное здание корпуса располагалось на Петербургской стороне, на Ждановской улице, 2. Однако военный из него не вышел. Он был рожден поэтом, это было записано в книге судеб.

Он быстро познакомился с Георгием Чулковым и Сергеем Городецким и стал посылать в их журналы свои вирши. Тогда же познакомился с Блоком.

В 1911 году был уволен из корпуса, а в 1912-м вышло первое его произведение — «Отплытие на остров Цитеру».

За такие стихи, были бы они обнаружены, в те годы можно было схлопотать большие неприятности. Фамилия поэта ничего не говорила — Георгий Иванов. Оказалось, ИвАнов. Один из плеяды поэтов Серебряного века. А после перестройки его книги начали издавать. Оставил нам много прекрасных стихов, мемуарную прозу о том баснословном времени: «Петербургские зимы» и «Китайские тени». Наверное, в них пятьдесят процентов фантазии, но все равно можно изучать жизнь петербургской богемы тех лихих лет — столетней давности. Нам есть чему у них поучиться. Сейчас, когда минувший век, жизнь стала такой же фантастической: вновь политическая нестабильность, тяжелый экономический кризис, передел мира. А они, надменные эти поэты, не думали о прозе жизни.

Поэзия словно заключала их в свои теплые объятия и, как ангел-хранитель, оберегала от мерзостей жизни в проклятую эпоху перемен.

Редакция журнала «Аполлон»
(наб. р. Мойки, 24)

ЗАЧИСЛЕН В ЦЕХ ПОЭТОВ
САМИМ ГУМИЛЕВЫМ

Молодой поэт отослал книгу Гумилеву — на адрес журнала «Аполлон». Гумилеву книга, присланная Ивановым, понравилась, и он ответил, что принимает его в Цех поэтов и хотел бы встретиться с ним 13 января вечером, попозже, в «Бродячей собаке», которая находится на Михайловской площади, 5, в подвале во втором дворе направо.

Кафе «Бродячая собака» (Михайловская площадь, 5) ГДЕ ПРОШЛОГОДНИЙ СНЕГ?

Это сейчас там обычный общепит, в котором по старой памяти устраивают иногда камерные спектакли, концерты, выставки и поэтические вечера. У входа возвышается бронзовый Остап Бендер с затертым до золотого блеска (видно, считают, что великий комбинатор приносит счастье в денежных делах) носом.

А я еще помню разрушенный подвал, куда спуститься можно было только со двора по полустершимся и небезопасным ступеням. Там богема 90-х годов проводила свои выставки и перформансы.

Гумилев пригласил Иванова в тот вечер, когда отмечали 25-летие творческой деятельности поэта Константина Бальмонта. Там был камин, в его отблесках играли своды, расписанные художником Сергеем Судейкиным, превратившим запущенный подвал в подобие чарующей сказки. Было тесно, душно, накурено, но такого количества талантов на столь малых квадратных метрах, пожалуй, не сыскать было нигде. Иванов полюбил «Собаку», завел здесь знакомства и дружбу со многими поэтами, вошел в круг этих небожителей как равный. Там он увидел Ахматову, стихами которой восхищался.

Три года его жизни были связаны с этим кафе, вплоть до 1915-го, когда «Собаку» закрыли.

Лет через семь, уже в Париже, эмигранты из Петербурга решили собраться в ресторане, чтобы вспомнить погибшую «Собаку» добрым словом. Пригласили и Георгия Иванова.

Он прочитал свое знаменитое горестно-сладостное стихотворение-эпитафию не только на «Собаку», но и на канувший в Лету прежний Петербург, и на тех, кто составлял некогда его славу:

*Январский день. На берегу Невы
Несется ветер, разрушьем вью.
Где Олечка Судейкина, увя,
Ахматова, Паллада, Саломея?
Все, кто блистал в тринадцатом году —
Лишь призраки на петербургском льду...*
(1922)

Олечка Судейкина, замечательная актриса, бывшая одно время женой Сергея Судейкина, умерла в Париже, в больнице, одна. Смерть приняла как милосердие, сказав примерно следующее: «Довольно была меня эта жуткая бабища-жизнь». За гробом талантливой актрисы, невысказанной красавицы, в которую влюблялись поэты и художники, шли восемь человек. Как она и предсказывала.

Саломея Андроникова уехала в Лондон и прожила там до глубокой старости. Ей посвящены не только гениальные стихотворения Манделштама, любившего ее в молодости, но и рассказ Эдуарда Лимонова, случайно познакомившегося с ней, когда она была уже очень стара. «Каково быть старым?» — спросил он у лихо пьющей виски старушки. Она ответила приблизительно так: что чувствует себя молодой девушкой, запертой в старое тело, как в скафандр. Страшные слова.

О судьбе Ахматовой рассказывать нет смысла — о ней известна каждая мельчайшая подробность.

Что касается Паллады, которая никогда не была красавицей, но умела нравиться и влюблять в себя до умопомрачения, то она пережила со страной и городом все, а последние годы провела в одиночестве в маленькой квартирке на проспекте Ветеранов.

Но сейчас, когда никого из них уже нет в живых, их тени иногда можно видеть в петербургском тумане или метели.

«СРОКИ СТРАШНЫЕ БЛИЗЯТСЯ...» ВОЙНА 1914 ГОДА

Но вскоре жизнь грубо прервала поэтические грезы. Австро-Венгрия объявила войну России. Россия попала в смертельную ловушку, из которой, как оказалось ясно очень скоро, несмотря на урапатриотические настроения в обществе, не было спасения.

Страна была обречена.

18 августа 1914 года город стал называться Петроградом. Поэты наконец-то очнулись от сладкого сна, стали писать военные стихи. Некоторые оказались пророческими.

*«Сроки страшные близятся. Скоро
Станет тесно от свежих могил.
Ждите глада, и труса, и мора,*

И затмения небесных светил», —
написала Анна Ахматова в июле 1914 года.

Сам же Георгий Иванов придерживался совсем иных настроений, он был бодр и верил в победу.

Но дальше все пошло только хуже. Для России начался апокалипсис — свершились Февральская, а затем Октябрьская революции. Империя, казавшаяся вечной, рассыпалась едва ли не в одночасье, похоронив под своими обломками и прежние ценности, и миллионы людей. Словно разорвался блестящий, шитый золотом занавес, и в прорехи полезли гибель, нищета, попрание гуманизма.